

Язык и сознание Бенджамина Уорфа*

Веретенников Андрей Анатольевич – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: and.veret@gmail.com

Статья посвящена анализу генезиса взглядов Б. Уорфа на отношение языка и реальности. В первой части дается историко-философское описание происхождения взглядов на мир и сознание Уорфа и делается содержательный вывод о ее источнике, это современная логика, культурная лингвистика и мистицизм с доминированием последнего. Во второй – приводятся по-новому сгруппированные аргументы противников «гипотезы лингвистической относительности» и делается вывод об их важности для ее сторонников. Данная статья предвзвешивает первый перевод на русский язык статьи Уорфа «Язык, сознание и реальность», важной для понимания источников его воззрений, в частности теософского мистицизма.

Ключевые слова: Бенджамин Ли Уорф, гипотеза лингвистической относительности, лингвистика, философия языка

MIND AND LANGUAGE IN THE WORK OF B. WHORF

Andrey Veretennikov – PhD in Philosophy, research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: and.veret@gmail.com

In the article author develops the analysis of genesis of B. Whorf's views on language and reality. First part is dedicated to the historical analysis of Whorf's views on mind and language. Genesis of his views is threefold: modern logic, cultural linguistics and mysticism. The latter becomes in a sense prevalent. Second part deals with analysis of arguments of the critics of principle of 'linguistic relativity' and concludes in evaluation of the validity of the arguments for the proponents of the 'principle'. The article accompanies first Russian translation of Whorf's article 'Language, mind and reality', important for critical evaluation of his background views and his theosophical mysticism in particular.

Keywords: Benjamin L. Whorf, principle of linguistic relativity, linguistics, philosophy of language

Творчество американского мыслителя Б.Л. Уорфа (1897–1941) находится на грани между лингвистикой и философией. Одной из самых ярких его идей является «гипотеза лингвистической относительности», впоследствии названная «гипотезой Сепира-Уорфа». Тезис состоит в том, что грамматические модели определяют восприятие и познание носителей языка, а следовательно и то, каким для него

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 14-33-01043 «Семантика и прагматика контекстной зависимости для убеждений с индексным компонентом».

является мир и как он видит свое место в нем. «Гипотеза лингвистической относительности» является значимым для философии языка и сознания тезисом о зависимости онтологии от языковой или грамматической системы. Сам по себе такой взгляд не являлся новым и в то время, нечто подобное можно обнаружить и в творчестве выдающегося отечественного психолога Л.С. Выготского (1896–1934), и у культуролога М.М. Бахтина (1895–1975), и у философа Л. Витгенштейна (1889–1951), однако Уорф представил эту гипотезу в виде программы эмпирических исследований. В качестве одного из ранних предтеч современной лингвистики он продолжал гумбольдтианскую линию в описательном языкознании, в качестве философа он сделал важный вклад в дискуссию о релятивизме и детерминированности человеческого сознания, сделав радикальные выводы как из философии Б. Рассела (1872–1970) и логического позитивизма, так и из современной ему гештальт-психологии. Третьей компонентой, не менее влиятельной в его философском творчестве, и значимость которой показывает публикуемая статья, была традиция европейской теософии конца XIX – начала XX вв.

При жизни автора влиятельные, начиная с 1950-х гг., идеи Уорфа подверглись разрушительной концептуальной критике со стороны ученых, создававших современную науку лингвистики, таких как Н. Хомский и С. Пинкер (культурный детерминизм), фактической – Э. Малотки (язык Хопи) и философской (концептуальный релятивизм) – Д. Дэвидсон (1917–2003) и М. Блэк (1909–1988). В то же время его «гипотеза» оказывается руководящей и значимой для лингвистов, таких как Дж. Лакофф, и нео-уорфианцев, как культурный антрополог М. Сильверстейн, поэтому говорить об отсутствии влияния Уорфа на современный интеллектуальный ландшафт не приходится.

Будучи химиком-технологом по профессии и работая страховым агентом, он никогда не защитил диссертации, несмотря на то, что проходил формальное обучение в аспирантуре Йельского университета под руководством своего учителя, американского лингвиста Эдварда Сепира (1884–1939). Лишь эпизодически читая лекции, он не опубликовал монографии, ограничившись статьями и выступлениями, представляя собой для некоторых критиков типичный образ лингвиста без формального образования. Несмотря на это, коллеги отмечали высокий профессионализм Уорфа, а Э. Сепир, получив в 1931 г. копию его статьи, отметил, что эта работа должна быть обязательно опубликована. Работы Уорфа были изданы в 1950-е гг. в виде трех сборников: в 1950-м г. «Четыре статьи по металингвистике» [Whorf, 1950], в 1952-м – «Собрание работ по металингвистике» [Whorf, 1952]. Благодаря Джону Кэроллу, коллеге Уорфа, сборник статей под названием «Язык, мышление и действительность», включающий в себя, в том числе, и неопубликованные работы, был издан в 1956 г. [Whorf, 1956, p. 246–270].

В советской науке Уорф известен, прежде всего, благодаря работе «Отношение норм поведения и мышления к языку», статья в русском переводе была впервые опубликована в знаменитом сборнике «Новое в лингвистике» в 1960 г. и в которой представлена одна из формулировок «гипотезы» [Новое в лингвистике, 1960]. В том же издании были опубликованы другие статьи автора: «Наука и языкознание» и «Лингвистика и логика». Собственно, по ним и складывался у отечественного читателя образ Уорфа как ученого и мыслителя. Статья «Язык, сознание и реальность», написанная в 1941 г. для Теософского общества, является одной из последних опубликованных работ Уорфа [Whorf, 1942]. Эта работа раскрывает неожиданные стороны в позиции знаменитого лингвиста, чей интерес к теософии был неслучаен в силу того, что собственные исследования по языкознанию он начал с изучения древнееврейского, нужного ему для анализа библейских текстов. Такого рода полупрофессиональные исследования, направленные на поиск скрытых смыслов и значений в древних манускриптах, были тогда широко распространенной практикой.

Переход к описательной, научной лингвистике был связан, с одной стороны, с интересом к мезоамериканским языкам, с литературой по которым он столкнулся в Хардфордской библиотеке, а с другой – с современной ему философией логического анализа, представленного, в частности, такой популярной среди тогдашней широкой публики фигурой, как Бертран Рассел. Сочетание попыток логического анализа и полевого материала было нетипичным для тогдашнего изучения языка. И «отец» американской антропологии Франц Боас (1858–1942), и его ученик Э. Сепир эксплицитно занимались проблемой метода, и в попытке обосновать свой Уорф, конечно, был неоригинален. Однако подлежащая философия, составлявшая основу для его взгляда на природу и человека, была несколько иной. От Боаса и Сепира он унаследовал взгляд на человека и язык В. Гумбольдта (1767–1835), согласно которому язык есть выражение «духа народа» в какое-либо историческое время, выражающий его взгляд на мир и определяющий его образ. С другой стороны, как Рассел, так и логические позитивисты разделяли точку зрения на естественный язык как на несовершенный инструмент, скорее затеняющий реальность, а не позволяющий к ней пробиться. Сам Рассел неоднократно указывал на особенности европейской «субъектно-предикатной» логики, порождающей определенные типы метафизики как веры в то, что составляет последние основания реальности. Абсолютные идеалисты, такие как Ф. Брэдли (1846–1924), философия которых служила интеллектуальным фоном для работ Рассела, утверждали Абсолют в качестве последнего начала реальности, неизменный по отношению к явлениям, и в котором не существует различий. Мистики и оккультисты того времени, такие как Е. Блаватская (1831–1891) исповедовали веру в Абсолют как во

всеобщее пантеистическое начало (в частности, в рамках массового американского Теософского общества) и утверждали, в своих терминах, конечно, идеи всеобщего духовного равенства и братства человечества, не чуждые и настроениям Боаса и Сепира, также выступавших против расизма. Боас, в частности, выдвигал тезис о том, что не существует «более простых культур», общий для европейских антропологов того времени. Увлекавшийся в молодости оккультизмом Уорф не мог пройти мимо такого крупного движения, как теософское, сходного по своим идеям с его собственными. Тезисы о различных «уровнях сознания» являются вполне теософскими, а обращение к индийскому мистицизму с такой точки зрения – вполне оправданным. В этом смысле философия, являвшаяся фоном и мотивацией для работ Уорфа, была вполне современной для его времени, пусть и эклектичной, а генезис «гипотезы лингвистической относительности», оказавшейся на острие дискуссий становится более ясным.

В области эмпирических, полевых исследований критика идей Уорфа шла по одному пути, концептуальные же аргументы, касающиеся релятивизма «гипотезы», более интересные философам, можно было бы разделить на две группы. Первая группа, которую можно связать с именем Хомского, касается методов Уорфа, вторая – назовем ее группой Дэвидсона – с понятием точки зрения на мир, языкового или концептуального каркаса. Первую группу характеризует перемена в отношении к методам лингвистики и поддерживающей ее философии языка. Если философия логических позитивистов была нейтральной по отношению к проблеме существования или несуществования общего для всех людей языка, по природе или биологически «встроенного» в человеческий мозг, то новая философия хомского направления утверждает наличие такого рода универсального медиума, «менталезского» языка, по выражению Дж. Фодора, от которого частные языки являются лишь ответвлениями. Методологически здесь можно указать на следующую особенность. Если Уорф шел от наблюдений к обобщениям и конструкции гипотезы, например, от практики использования языковых выражений к гипотезе о грамматике, то оппоненты проверяют математическую модель на практике, принимая, модифицируя или отбрасывая ее. Известен случай, когда Уорф наблюдал поведение рабочих, куривших возле пустых бочек из-под керосина. Он сделал вывод, что «пустое» в их мире означало неопасное, тогда как именно такие емкости оказываются наиболее воспламенимыми. Менее анекдотический случай состоит в споре о временах в языке хопи, и аргумент здесь следующий. Наблюдая практику, Уорф делает вывод о существовании того, что он хочет видеть, а не проверяет существование, постулированное гипотезой. В знаменитом примере о видах снега он как бы уже заранее имеет в виду онтологию, а не пытается проверить свою гипотезу. Такой взгляд «от

явления к действительности» не спасает от релятивизма и обращения к мистическим «планам» или «уровням» мира и сознания, к которым прибегает Уорф, постулируя общие для всего человечества универсалии. И Уорф, и поздний Витгенштейн, и Выготский, с другой стороны, являются представителями социального «конструктивизма» в области философии языка. Как «гипотеза», так и «употребление» и «деятельность» есть социальные явления языка как медиума коммуникации. То есть из языка рождается мир и сознание человека, а не язык есть естественное явление. Философия новой науки лингвистики отвергала этот тезис.

Вторая группа аргументов, связанная с Дэвидсоном и Максом Блэком, менее метатеоретична. Можно описать эту группу как опирающуюся на понятие концептуальной схемы, введенное Карнапом. Она напоминает некоторый язык, в котором бы принимались как существующие некоторые объекты и операции над ними, каждая из них по-своему организует опыт, представляет собой одновременно мировоззрение и исключает другие точки зрения. Каждая из концептуальных схем содержит в себе внутренне связанную систему понятий, постулирует некоторые универсальные свойства мира или, как писал Дэвидсон, «даже сама реальность относительна к схеме: то, что считается реальным в одной системе понимания, может не считаться таковым в другой». Вопрос тогда заключается в том, как мы вообще можем знать о существовании каких-то других концептуальных схем, кроме нашей? Иная концептуальная схема была бы настолько отличной от нашей, что утверждения, сделанные в ней были бы не ложными, а как писал Карнап, просто непонятными, или бессмысленными по отношению к нашей. Дэвидсон сделал следующий аргументативный шаг – он применил к концептуальным схемам понятие перевода или интерпретации логической системы. Как он полагал, система представляет собой только формализм до того момента, как мы интерпретируем или каким-то способом используем в практике ее символы. Если мы обратимся к такому пониманию концептуальной схемы, как языка, а следовательно и взгляда на мир, и сознания того, кто этим взглядом обладает, то возникает вопрос о возможности если не согласия, то перевода предложения одного языка или одного сознания, на другой. Рассмотрев случай неудачи перевода или интерпретации мы можем сделать вывод о том, возможно ли сравнение схем, а как следствие – истинен ли релятивизм в том числе и «гипотезы» Уорфа. Дэвидсоновский вывод неутешителен, ни набор из значений, ни реальность, нейтральная по отношению к теории не дают возможности полного перевода. Частичный же перевод возможен и связан с установками на согласие участников коммуникации. Мнение Дэвидсона заключалось в том, что нельзя обнаружить ни общих, ни частичных схем у разных участников коммуникации, а следовательно, понятие

схемы оказывается под вопросом. В то же время, сам тезис о наличии схемы и содержания, которое было бы нейтральным по отношению к ней, оказывается догматическим и ведет к релятивизму наподобие радикальных выводов из «гипотезы» Уорфа. Утверждая «национальное» или «языковое» сознание, «взгляд на мир» или «несоизмеримость» мы неизбежно приходим к релятивизму. Естественно, такого вывода сам Уорф, с его склонностью к мистицизму и теософии Абсолюта, постарался бы избежать. Однако его не избежать тому исследователю, который принимает основные положения «гипотезы лингвистической относительности».

Список литературы

Новое в лингвистике, 1960 – Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 464 с.

Whorf, 1950 – *Whorf B.L.* Four articles on metalinguistics Washington: Foreign Service Institute, 1950. 263 p.

Whorf, 1952 – *Whorf B.L.* Collected papers on metalinguistics. Washington: Foreign Service Institute, 1952. 447 p.

Whorf, 1942 – *Whorf B.* Language, Mind and Reality // *Theosophist* (Madras, India). 1942. January and April issues. P. 282–291.

Whorf, 1956 – *Whorf B.L.* Language, thought, and reality: selected writings of Benjamin Lee Whorf / Ed. by J.B. Carroll. Cambridge: The MIT Press, 1956. P. 246–270.

References

Carroll J.B. (ed.). *Language, thought, and reality: selected writings of Benjamin Lee Whorf*. Cambridge: The MIT Press, 1956, pp. 246–270.

Novoe v lingvistike. Вып. I. [New in linguistics. Vol. I.]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1960. 464 p.

Whorf B.L. Language, Mind and Reality. *Theosophist* (Madras, India), 1942, January and April issues, pp. 281–291.

Whorf B.L. *Collected papers on metalinguistics*. Washington: Foreign Service Institute, 1952. 447 p.

Whorf B.L. *Four articles on metalinguistics* Washington: Foreign Service Institute, 1950. 263 p.